

острым, что вызывал бурную реакцию зала. Так возникал один из моментов глубочайшего выявления провинциализма в «Провинциалке».

Чрезвычайно комичен был Грибунин во всех сценах с Дарьей Ивановной. Его че-обузданные вспышки — гнева, ревности, возмущения — стихали так же внезапно, как и рождались, и еще за секунду перед тем жарено бегавший взад и вперед по комнате Ступендьев вдруг сразу стихал, робко поспрашивал на жену и лепетал примирительно: «Я совершенно с тобой согласен... совершенно согласен». Впрочем, надо тут же отметить, что и Дарья Ивановна Лиллиной, эта очаровательная женщина, повелевавшая всеми событиями в доме, располагала раз навсегда подобранным ключом, чтобы усмирять своего ревнивого супруга. Ни грозных окликов, ни многозначительных взглядов, ни повелительных жестов. Чем больше бесновался Ступендьев, тем более нежными, обволакивающими делались интонации Дарьи Ивановны, тем мягче произносила она свое неизменное «друг мой!». Эффект был всегда один и тот же — одурчаенный Ступендьев терялся, уступал и покорно следовал всем приказам жены, а она, строго говоря, почти его не замечала; все ее мысли были заняты графом и предстоящим сражением.

И вот он появляется — величественный, импозантный, одетый с подчеркнутой элегантностью. Вступая в комнату, он точно нес впереди себя свое графское достоинство. От него так и веяло мадугой важностью, чопорностью, самовлюбленностью. Было что-то отталкивающее во всем облике этого фальшивого аристократа; несуразные усы и чрезмерно разросшиеся бакенбарды контрастировали с безукоризненным покроем костюма, придавая заносчивой фигуре графа несколько шаржированный оттенок.

Преувеличение, карикатура, пародия — эти упреки в адрес Станиславского — графа Любина мелькают в ряде рецензий, посвященных тургеневской «Провинциалке». Правда, один из критиков оговаривается, что право на буффонное решение роли дает актеру авторская характеристика графа, который белится и красит волосы и лишь с трудом может стать на колени, а потом совсем уже не может подняться с них без посторонней помощи. Но, разумеется, это не единственная причина, почему Станислав-

ский играл своего графа Любина так обличительно резко. Чтобы зритель не усумнился в том, что тонкая и смелая Дарья Ивановна меняет пустоту провинциальную на пустоту столичную, нужно было наглядно представить в спектакле все убожество так называемой светской жизни, — той самой, которую так ненавидел Толстой, в гораздо большей степени, чем Тургенев. И недаром это «толстовское» органически входило, по свидетельству В. И. Немировича-Данченко, в мироощущение предреволюционного Художественного театра. Выполнение этой разоблачительной задачи в спектакле целиком падало на плечи Станиславского.

Впрочем, понятие шаржа вряд ли применимо к игре Станиславского в «Провинциалке». Скорее ее можно охарактеризовать через известный афоризм Владимира Ивановича: «на сцене не может быть ничего чересчур, если это верно». Станиславский создавал реалистический образ. Он почти не пользовался внешне комическими черточками и даже не стремился спрятать от зрителя свою крупную фигуру, звучный голос, размашистую походку. Для него не так существенно было передать внешний облик рамоли, развалыны, как заклеить внутреннюю, душевную дряхлость героя, его человеческое ничтожество. Этого он и достигал с блеском на протяжении спектакля.

Последовательно, со ступеньки на ступеньку, низводил Станиславский своего графа с пьедестала его дутого величия. Этот важничавший господин, по началу едва удостоивший Дарью Ивановну холодного полупоклона, почти без боя сдает ей позицию за познций, и уже очень скоро, позабывши свой возраст, положение в свете, со всех яог пускается в гостиницу за «дутьяно», ради того лишь, чтоб заслужить одобрение какой-то безвестной провинциалки. На все лады разрабатывал Станиславский интонацию коротенькой фразы Любина «Я сам схожу за ним!». И органичность этого «я сам» в устах человека, еще совсем недавно закованного в броню светских приличий, означала, что битва для графа проиграна.

А как он исполнял свой романс — это же целая поэма! Как торжественно разворачивал ноты, с какой жеманной «артистичностью» готовился петь перед Дарьей Ивановной, рисуюсь и важничая, заранее омакуя

впечатление, которое он надеялся произвести на свою единственную слушательницу! И что это был за романс, блистательно написанный композитором И. Сацем! Вот она на самом деле была пародией, — эта музыка, проникнутая пошлейшей итальянщевой, с сентиментальными вздыханиями, с бесконечными фиоритурами, со слащавостью, подменяющей страсть. Бездарность романса была такова, что ее нельзя было не заметить. Ее не замечал лишь один человек — граф Любин!

Станиславский пел романс без всякого наигрыша, сохраняя полнейшую актерскую серьезность и вкладывая в кудрявую, бессодержательную мелодию все доступное его герою вдохновение. От этого контраста пародийный, сатирический характер эпизода становился, разумеется, особенно ощутимым. Окончив пение, Станиславский — Любин, словно с трудом отрешаясь от мира музыки, складывал ноты и с худо скрываемым тщеславием дилетанта переспрашивал рассылавшуюся в комплиментах Дарью Ивановну: «Вы находите?». «Не правда ли?». И кажется, ничто так не выдавало ограниченности графа Любина, его нравственной, духовной изношенности и пустоты представляемого им мира, как этот бездарный романс. Так почти гротесковая острота рисунка уживалась с серьезным социальным обобщением.

Мария Петровна Лилина, актриса необычайной внутренней грации и внешнего изящества, тонкая и насмешливая, лирическая и беспощадная, играла «провинциалку» Дарью Ивановну врез с традицией, законодательницей которой была М. Савина. Может быть, в чем-то Лилина и уступала своей петербургской предшественнице, — во всяком случае в затейливом кружеве отделки. Но она толковала роль смело, самостоятельно и, как я полагаю, социальнее более точно.

Савина играла блестяще и даже покорила своей игрой Станиславского; и все-таки «Провинциалка» в Петербурге превращалась в салонный пустячок, не дающий никакого материала для тех далеко идущих идейных выводов, которые пытался сделать из этой маленькой пьесы Художественный театр.

Лилина была моложе, острее и насмешливее, и, создавая образ женщины яркой и незаурядной, богатой всеми оттенками

чувств, вносила в него подспудно осуждающую нотку. Она сочувствовала своей героине, разделяла ее стремление вырваться за пределы сонного унылого городка, но она и осуждала Дарью Ивановну за мелкость ее мечты. И потому в ее Дарье Ивановне временами мелькало что-то неприятное, холодное, ускорасчетливое, и потому в ходе спектакля у зрителя крепло убеждение, что даже если все останется по-старому, если затея Дарьи Ивановны потерпит крах, она не бросится в Волгу, не покончит с собой.

Не берусь объяснить, каким путем подвела актриса зрителя к этому сложному итогу. Но во всяком случае Лилина, еще в большей степени, чем Станиславский, «ничего не играла», и в ее сценическом поведении не было никакой нарочитости, никаких «довесков» сверх естественной жизни образа в предлагаемых пьесой обстоятельствах.

В поступках ее героини ощущалось подлинное вдохновение человека, поставившего на карту все, реализующего единственный шанс осуществления затеянной мечты. Внешне выдержанная, всегда спокойная, она вся охвачена жаром «генерального сражения», и потому так находчива, так быстра в устранении препятствий. Она настолько превосходит умом и одаренностью всех, кто ее окружает, что не только «стареющего бельома» Любина, но кого угодно заморочит, заворочит, увлечет.

А как умеет она разнообразить «стратегию и тактику» в своих атаках графа Любина! Ее интонация — то восхищенно-почтительны, то подернуты томной дымкой воспоминаний, то лукавы, то грустны, то «выдают» затеянное чувство, то добродетельно строги и неприступны. Как наслаждается она пошлейшими фиоритурами романса, как старательно, священнодействуя, аккомпанирует, какие взгляды, полные восторженного почитания, бросает на ослепленного сочинителя-графа! Это был целый вихрь женского кокетства, обаяния, заразной, искрящейся веселости, увлекавший не только беднягу-графа, но и зрителя, смотрящего спектакль.

И вот, наконец, Дарья Ивановна — у желанного финиша! «Столичный лев», окончательно низведенный с высот своей аристократической неприступности, — на коленях перед бедной провинциалкой! Подозрительная возня у двери, чьи-то приглушенные